

Нос Андрей Евдокимович

**Мировой суд в Москве.
Очерки разбирательства у
мировых судей**

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Евдокимович Н.**
Мировой суд в Москве. Очерки разбирательства у мировых судей: Книга 1 /
Нос Андрей Евдокимович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-521-25709-6

ISBN 978-5-521-25709-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Съ самаго перваго времени введенія въ дѣйствіе новаго суда въ Москвѣ я посѣщалъ мировыхъ судей нашей столицы, записывалъ происходившія у нихъ разбирательства и затѣмъ печаталъ эти очерки въ газетахъ; такимъ путемъ я старался ознакомить общество съ тѣмъ, какъ осуществилось на дѣлѣ введеніе новаго установленія—единоличныхъ выборныхъ судей, рѣшающихъ дѣла по внутреннему убѣжденію. Для настоящаго изданія я выбралъ очерки разбирательствъ у всѣхъ судей столицы, чтобы дать читателю хотя приблизительное понятіе какъ о дѣятельности мирового суда вообще, такъ и объ особенностяхъ каждаго изъ двадцати двухъ судей столицы. Такимъ образомъ, настоящее изданіе, представляя итогъ почти трехлѣтнихъ наблюденій за дѣятельностью мировыхъ судей Москвы, есть общая картина мирового суда нашей столицы. Въ то же время эта книга, хотя и не вполне удовлетворительно (что едва ли и возможно), можетъ дать читателю понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ каждаго изъ нашихъ первыхъ по выборамъ судей. Наконецъ, такъ какъ предѣлы судебной дѣятельности мировыхъ учреждений захватываютъ все быденныя, мелочныя, прозаическія стороны жизни, то моя книга въ то же время есть изображеніе современныхъ московскихъ нравовъ, насколько они могутъ проявляться въ судѣ и въ судебныхъ разбирательствахъ.

Итакъ, моя книга для юриста будетъ служить указаніемъ на то, въ чемъ практика отступаетъ отъ пи-

саннаго закона и какъ она примѣняетъ этотъ законъ къ жизни; для публициста — она уяснить нѣкоторыя стороны нашего законодательства, не отвѣчающія потребностямъ жизни; для общественнаго дѣятеля она послужить въ нѣкоторой степени сборникомъ данныхъ для оцѣнки дѣятельности судей и, пожалуй, основаніемъ, руководствомъ при предстоящихъ выборахъ. Наконецъ, вообще для читателя изданіе мое представляетъ также не лишнее занимательности чтеніе, тѣмъ болѣе, что я, стараясь иногда сохранить правду судоговоренія до послѣдняго слова, заботился и о живости разсказа. Впрочемъ главная цѣль, которую я старался достигнуть при изложеніи настоящихъ очерковъ, это безпристрастная вѣрность дѣйствительности въ такой степени, въ какой это возможно для человѣка. Вотъ почему мое изданіе можетъ быть названо, хотя и не случайнымъ, фотографическимъ изображеніемъ мирового суда въ Москвѣ. Если общественное мнѣніе признаетъ за моимъ изданіемъ это достоинство, я буду считать свою цѣль вполне достигнутой.

Въ первую книгу войдутъ очерки разбирательствъ почти у всѣхъ судей 1-го округа города Москвы, а именно кромѣ двухъ—серпуховскаго и хамовническаго. Во вторую книжку войдутъ очерки разбирательства у всѣхъ остальныхъ тринадцати судей. Вторая книга выйдетъ во второй половинѣ января наступающаго года.

А. Носъ.

Москва.
1868 года,
7 декабря.

ДѢЛО О ВОСЬМИ ЛИЦАХЪ, ОБВИНЯЕМЫХЪ ВЪ НАРУШЕНІИ ПОРЯДКА ВО ВРЕМЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

У мирового судьи Тверскаго участка.

Въ субботу, 3-го февраля, 1868 г., небольшая камера мирового судьи Тверскаго участка наполнилась публикой. Въ этотъ день было назначено разбирательство дѣла 8 лицъ, обвинявшихся полиціей «въ произведеніи безпорядка въ Большомъ театрѣ во время представленія оперы «Жизнь за царя» 14 ноября прошлаго года. Занявъ мѣсто за столомъ, судья приступилъ къ повѣркѣ лицъ, призванныхъ въ камеру по этому дѣлу. Изъ обвиняемыхъ налицо оказались студенты—Дятроптовъ, Тростянской, дворянинъ Сипягинъ, кол. регистраторъ Хлуденевъ, штабсъ-капитанъ Травинъ и чиновникъ почтамта Шумаровскій. Не явились — студентъ Харитоновъ и аптекарскій ученикъ Юкельсонъ. Въ качествѣ обвинителя былъ допущенъ полковникъ Поль и кромѣ того въ разбирательствѣ участіе принималъ уполномоченный отъ полиціи. Въ качествѣ свидѣтелей были вызваны: частный приставъ Врубель, квартальные надзиратели: Медвѣдевъ, Вороновъ, Березинъ, Лазовскій, Соколовъ, Севенардъ и Ивановъ.

Кандидатъ правъ А. П. Зоринъ заявилъ, что четверо изъ обвиняемыхъ: Травинъ, Хлуденевъ, Сипягинъ и Шумаровскій поручили ему свою защиту; двое остальныхъ подсудимыхъ—Тростянской и Дятроптовъ защищались лично.

Уполномоченный отъ полиціи нашолъ возможнымъ приступить къ слѣдствію, несмотря на отсутствіе трехъ свидѣтелей.

Судья прочиталъ сообщеніе полиціи отъ 15 ноября 1867 г., въ которомъ было сказано, что обвиняемые, во время представленія оперы «Жизнь за царя» 14 ноября, были замѣчены полковни-

комъ Полею «въ неприличныхъ, выходящихъ изъ границъ благопристойности выраженіяхъ своего удовольствія по поводу игры артистки Оноре». Въ этомъ фактѣ полиція находила нарушение порядка во время театральнаго представленія, т. е. проступокъ, предусмотрѣнный 39 ст. уст. о нак., а потому и передала дѣло это на разсмотрѣніе мѣстнаго мирового судьи.

Судья (къ Зорину). Что вы имѣете объяснить?

Г. Зоринъ. Я бы желалъ, чтобы обвиненіе было сформулировано точнѣе. Понятіе неблагопристойности — слишкомъ неопредѣленное, а потому изъ прочитаннаго сообщенія полиціи я не могу заключить, въ чемъ именно обвиняетъ полиція моихъ довѣрителей—въ чемъ она видитъ нарушение порядка.

Г. Діатроптовъ. Я съ своей стороны нахожу, что, для обвиненія меня въ безпорядкѣ, необходимо было полиціи составить актъ въ законномъ порядкѣ. Только такой актъ, подписанный свѣдѣтелями и самими обвиняемыми, могъ удостовѣрить, въ чемъ заключалось нарушение порядка. Такого акта полиція не составляла.

Г. Тростянской. Прежде чѣмъ сказать что, нибудь по существу обвиненія, я долженъ замѣтить; что въ вызовѣ меня къ суду былъ нарушенъ законный порядокъ. Какъ въ прошлый разъ когда разбирательство было отложено, такъ и въ настоящемъ случаѣ, я вызванъ въ судъ телеграммой. Въ настоящемъ случаѣ я получилъ эту телеграмму только за три часа до разбирательства.

Судья. Въ прошлую субботу, когда разбирательство было отложено, я вамъ лично сказалъ, что разбирательство будетъ сегодня... Потому прошу васъ отвѣчать по существу обвиненія.

Г. Тростянской. Полиція обвиняетъ меня въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 39 ст. уст. о нак., т. е. въ нарушеніи порядка во время театральнаго представленія. Этотъ проступокъ она видитъ въ аплодисментахъ,—я другихъ безпорядковъ не производилъ, кромѣ того что аплодировалъ. Я думаю, что простые, обыкновенные аплодисменты не есть безпорядокъ, за который бы слѣдовало выводить изъ театра и потомъ предавать суду. Если же полиція находила въ моихъ дѣйствіяхъ нарушение порядка, то объ этомъ слѣдовало составить актъ. Иначе обвиненіе представляется бездоказательнымъ.

Полковникъ Поль. Позвольте мнѣ, какъ обвинителю, сказать

нѣсколько словъ по поводу настоящаго обвиненія. Съ нѣкотораго времени было замѣчено, что въ театрѣ продолжительные аплодисменты и вызовы затягиваютъ представленіе и доходятъ до неприличія. Особенно въ этомъ отличаются студенты, которые позволяютъ себѣ прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, чтобы не быть замѣченными въ нарушеніи порядка полиціей. Такъ сидящіе впереди опускаютъ руки за барьеръ, чтобы наблюдающій сзади офицеръ полиціи не могъ ихъ замѣтить. Другіе становятся за колонны и аплодируютъ, наконецъ прячутся другъ за друга. Всѣ эти неумѣренные вызовы и крики, часто среди представленія, нарушаютъ приличіе и затягиваютъ представленіе. Особенно эти безпорядки бываютъ во время представленія «Жизни за царя», въ тотъ моментъ, когда поетъ г-жа Онопере. Въ спектаклѣ 14 ноября эти вызовы вышли изъ границъ приличія, и самъ г. генераль-губернаторъ, бывшій въ этотъ разъ въ театрѣ, обратилъ вниманіе на это. Онъ замѣтилъ, что вызовы эти растянули представленіе на цѣлый часъ. Кажется, этого одного достаточно, чтобы признать, что обвиняемые своими вызовами нарушали порядокъ. Замѣчаніе г. генераль-губернатора заставило полицію принять мѣры для прекращенія безпорядка. Обвиняемые были замѣчены изъ партера, какъ шумѣвшіе наиболѣе. Тогда я поручилъ дежурному частному приставу вывести этихъ лицъ и черезъ посредство мѣстной полиціи передать этотъ поступокъ на разсмотрѣніе суда.

Уполномоченный полиціи. Я нахожу обвиненіе вполне основательнымъ, потому что законъ прямо говоритъ (202 ст. т. XIV уст. о предуп. и пресѣч. прест.): «При общенародныхъ увеселеніяхъ никто не долженъ прерывать и препятствовать окончанію представленія». Наблюденіе за соблюденіемъ этихъ требованій закона, на основаніи 204 ст., возложено на обязанность полиціи.

Г. Зоринъ. Противъ этого я долженъ замѣтить, что въ настоящее время XIV томъ не дѣйствуетъ, а дѣйствуетъ уставъ о наказаніяхъ, и именно рѣчь идетъ о проступкѣ, обозначенномъ въ 39 ст. уст. Насколько я себѣ выискивалъ характеръ обвиненія изъ словъ г. Поля, я нахожу, что обвиненіе это состоитъ въ слѣдующемъ: Мои довѣрители обвиняются въ нарушеніи приличія, въ нарушеніи спокойствія въ публичномъ мѣстѣ.

Въ чемъ же заключалось это неприличіе? Все это неприличіе заключалось въ аплодисментахъ, въ вызовахъ г-жи Оноре, — артистки, которая пользуется извѣстностью не только въ Москвѣ, въ Россіи, но даже и за границей. Притомъ эти аплодисменты имѣли мѣсто во время исполненія г-жей Оноре самой лучшей роли — роли Вани въ «Жизни за Царя», отъ которой наша публика постоянно приходитъ въ восторгъ. Но развѣ вызовъ артистки при подобныхъ обстоятельствахъ есть какое-нибудь неприличіе? Мы знаемъ, что во всѣхъ театрахъ принято вызывать артистовъ. Мнѣ также кажется страннымъ, почему въ вызовахъ студентами г-жи Оноре находятъ неприличіе и не видятъ въ то же время этого неприличія, когда во время представленія балета, въ первыхъ рядахъ креселъ, старички, для выраженія своего восторга, пускаютъ въ ходъ не только руки, но и палки. Почему въ этомъ заявленіи не видятъ неприличія, тѣмъ болѣе, что высшіе чины полиціи находятся здѣсь же въ первыхъ рядахъ?

Судья. Я нахожу неумѣстнымъ ваше замѣчаніе о высшихъ чинахъ полиціи и прошу впредь воздержаться отъ подобныхъ замѣчаній.

Г. Зоринъ. Я не хотѣлъ сдѣлать какое-либо замѣчаніе высшимъ чинамъ полиціи, я только указалъ на то, что въ подобныхъ случаяхъ не бываетъ ни арестовъ, ни вывода изъ театра, а между тѣмъ студенты, позволившіе себѣ аплодировать прекрасной игрѣ г-жи Оноре, подверглись тому и другому, и въ ихъ дѣйствіяхъ нашли какое-то неприличіе, возбудившее судебное преслѣдованіе. Я думаю, что для состава проступка, указанного въ 39 ст. необходимо, чтобы, во 1-хъ, обвиняемые позволили себѣ какія-нибудь неумѣстныя дѣйствія, напр. еслибы они нарушили порядокъ какимъ-нибудь шумомъ, криками, и т. п., а никакъ ни аплодисментами, которые такъ умѣстны въ театрѣ. Во 2-хъ, необходимо, чтобы дѣйствія обвиняемыхъ шокировали общественное вниманіе, т. е. чтобы они мѣшали публикѣ наслаждаться представленіемъ. Въ настоящемъ случаѣ ни того, ни другаго момента нѣтъ, слѣдовательно нѣтъ и проступка, который указанъ въ 39 статьѣ. Затѣмъ полиція слѣдовало бы спросить свидѣтелей этого безпорядка, — лицъ, кото-

рыхъ спокойствіе было нарушено. Наконецъ полиціи никто не заявлялъ, что ему мѣшали обвиняемые слушать. Акта не было составлено, и такимъ образомъ доказательствомъ обвиненія не могутъ быть показанія свидѣтелей; приходится основываться на показаніяхъ обвинителя г. Поля. Затѣмъ я считаю нужнымъ замѣтить, что полиція обязана была сначала предупредить обвиняемыхъ, а не прямо выводить изъ театра. Мы знаемъ, однако, что обвиняемые были выведены передъ началомъ послѣдняго акта и препровождены въ Тверской частный домъ, гдѣ и ночевали въ сибиркѣ. Это сдѣлано для того будто бы, чтобы удостовѣриться въ подлинности ихъ личности, но двое изъ моихъ довѣрителей, Сийягинъ и Хлуденевъ, живутъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Доммеса, о чемъ они и заявили. Показаніе ихъ легко можно было повѣрить. Зачѣмъ же спрашивается держать ихъ въ сибиркѣ?...

Судья. Здѣсь разбирается не неправильность дѣйствій полиціи. Если ваши довѣрители недовольны дѣйствіемъ полиціи, они могутъ жаловаться въ установленномъ порядкѣ оберъ-полицеймейстеру.

Въ это время явился седьмой изъ обвиняемыхъ, г. Юкельсонъ.

Г. Юкельсонъ. Я не былъ замѣченъ ни въ какомъ безпорядкѣ, между тѣмъ и меня вывели изъ театра. На другой день, когда меня выпустили изъ сибирки, я требовалъ, чтобы былъ составленъ актъ о неправильномъ заарестованіи меня, но мнѣ на это отвѣчали, что младшіе чины не могутъ составлять акта о дѣйствіяхъ старшихъ.

Г. Поль замѣтилъ, что на обязанности полиціи лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы не растягивали представленія. Что касается несоставленія акта о настоящемъ происшествіи, то есть такіе случаи, когда полиція не обязана составлять актовъ. Вся публика, продолжалъ г. Поль, замѣтила, что обвиняемые особенно шумѣли. Ихъ вызовы заставили генераль-губернатора показаться въ ложѣ и сдѣлать замѣчаніе. Предостереженія были сдѣланы обвиняемымъ и потомъ уже ихъ вывели. И за границей, гдѣ публика цивилизованнѣе, принято за правило послѣ трехъ предостереженій выводить изъ театра. Но у насъ обыкновенно эти предостереженія не дѣйствуютъ. На слова полицейскаго

офицера или отвѣчаютъ: «вамъ какое дѣло», или же говорятъ: «да гдѣ же мѣрка для аплодисментовъ»? Я это по себѣ знаю, потому что не разъ слышалъ подобныя разсужденія. Я думаю, что въ императорскихъ театрахъ лица всѣхъ сословій должны себя держать вѣжливо и прилично, а не такъ себя вести, какъ въ гостинницѣ, въ трактирѣ или кабацѣ, куда обыкновенно отправляются послѣ спектакля.

Уполномоченный полиціи просилъ спросить свидѣтелей.

Г. Зоринъ заявилъ, что всѣ свидѣтели — чины полиціи, стало-быть всѣ они до извѣстной степени обвинители. Онъ подходилъ нужнымъ спросить кого-либо изъ публики, бывшей въ то время въ театрѣ, и заявилъ, что ему случайно удалось узнать, что въ театрѣ въ то время былъ мировой судья П. Е. Романовъ и князь Ю. Н. Голицынъ.

Уполномоченный полиціи замѣтилъ, что рѣшеніемъ 13-го марта 1867 года, состоявшимся въ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената, по дѣлу Комарова, разъяснено, что чины полиціи по закону могутъ допускаться въ качествѣ свидѣтелей.

Г. Поль. При этомъ происшествіи былъ и г. оберъ-полиціймейстеръ, но я не могу ссылаться на него, какъ на свидѣтеля; наконецъ я уже говорилъ, что безпорядокъ обратилъ вниманіе г. генераль-губернатора. Авторитетъ его достаточенъ для удостовѣренія событія.

Г. Зоринъ. Сколько я могъ уяснить себѣ обвиненіе, оказывается, что начальство вообще было недовольно тѣмъ, что затягивается представленіе вслѣдствіе вызововъ. Но едва ли это можетъ служить поводомъ къ обвиненію. Можетъ-быть, г. генераль-губернатору или какому-нибудь полковнику Поль...

Г. Поль (перебивая). Позвольте, полковникъ Поль не какой-нибудь.

Г. Зоринъ (продолжаетъ). Можетъ-быть, кому-нибудь изъ начальства нужно было уѣхать, поэтому оно и не желало, чтобы замедлялось окончаніе спектакля. Можетъ-быть, наконецъ, начальству не нравилась опера «Жизнь за царя! Все это не могло, однако, подать повода къ обвиненію моихъ довѣрителей за то только, что они аплодировали.

Затѣмъ стороны согласились освободить свидѣтелей отъ

присяги. Севенардъ и Ивановъ, какъ прибывшіе во время доклада и слышавшіе судоговореніе, не были допущены къ спросу въ качествѣ свидѣтелей.

Г. Врубель. Во время представленія 14-го ноября въ театрѣ былъ шумъ и безконечные аплодисменты. Этотъ безпорядокъ обратилъ на себя вниманіе главнаго начальства: г. генераль-губернаторъ замѣтилъ, что слѣдуетъ принять мѣры къ устраненію этихъ безпорядковъ. Мнѣ было поручено, какъ дежурному частному приставу, передать, чтобы не шумѣли нѣкоторые лица, особенно обратившія на себя вниманіе. Замѣчаніе не подѣйствовало, они не унимались, и тогда они были взяты и выведены изъ театра. Подробностей я не помню, потому что это было 2½ мѣсяца назадъ. Лица эти въ теченіи всей пьесы неистово аплодировали и вызывали. Въ лицо шумѣвшихъ я не упомянулъ. Да и гдѣ-жъ мнѣ помнить, когда я каждый день 100 человекъ вижу. Вывели ихъ по окончаніи четвертаго акта, потому что полиція не желала своими дѣйствіями мѣшать публикѣ слушать оперу.

Майоръ Медвѣдевъ. Я слышалъ крикъ въ правой литературной ложѣ, если я не забуду. Потомъ мнѣ поручено было полковникомъ Поль принять мѣры противъ кричавшихъ, такъ какъ вся публика обратила вниманіе на эти крики. Я самъ не дѣлалъ предупрежденія, чтобы не шумѣли, но слышалъ, что другіе дѣлали предупрежденія и что имъ на это отвѣчали, что аплодисменты не мѣряются. Я собственно вывелъ кричавшихъ изъ ложи № 1-й въ четвертомъ ярусь.

Г. Соколовъ. Я былъ въ штатскомъ платьѣ. Безпорядковъ не было, и никто не входилъ въ ложу—это было въ 4-мъ ярусь. Я видѣлъ, какъ изъ № 1-го вывели господина; туда до этого времени никто не входилъ.

Г. Зоринъ (улыбаясь). Вотъ одинъ изъ свидѣтелей говорить, что предупреждали сначала, а другой утверждаетъ, что сразу вывели. Я прошу разъяснить это.

Судья замѣтилъ г. Зорину, чтобы онъ не смѣялся и затѣмъ предложилъ г. Медвѣдеву пояснить противорѣчіе.

Г. Медвѣдевъ. Я не буду отвѣчать, потому что защитникъ смѣется.

Г. Вороновъ. Я не помню, кто, но помню, что нѣсколько человѣкъ своими криками обратили на себя общее вниманіе. Я помню, что одного фамилія Харитоновъ. Я былъ въ то время въ статскомъ платьѣ въ 5-мъ ярусѣ и потому обратилъ вниманіе своего товарища на безпорядки.

Г. Березинъ. Я былъ въ пятомъ ярусѣ: двое особенно кричали. Одного фамилія Харитоновъ, а другаго не упомяну. Я ихъ предупреждалъ, но они не унимались. Потомъ ихъ вывелъ Медвѣдевъ. Вызывали они не въ антрактѣ, а во время самого представленія.

Г. Лазовскій. Я былъ на главномъ подъѣздѣ, дожидаясь приѣзда генералъ-губернатора. Когда онъ приѣхалъ, я отправился въ третій ярусъ; слышалъ я шумъ въ четвертомъ ярусѣ, но такъ какъ это была не моя дистанція, то я туда и не ходилъ. По окончаніи 4-го акта мнѣ было поручено подполковникомъ Врубелемъ отправить двухъ въ Тверскую часть къ частному приставу, для удостовѣренія въ ихъ личности.

Г. Зоринъ, не находя нужнымъ спросъ указанныхъ имъ свидѣтелей, замѣтилъ, что обвиненіе нисколько не доказано свидѣтельскими показаніями, и просилъ судью обстоятельства объ арестованіи обвиняемыхъ, какъ заключающія въ себѣ превышеніе власти, передать на разсмотрѣніе полицейскаго начальства.

Г. Діатроптовъ обратилъ вниманіе на разнорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей и на неопредѣленность этихъ показаній, не заключающихъ въ себѣ обозначенія ни личностей, ни самыхъ обстоятельствъ дѣла.

Г. Тростянской замѣтилъ, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ проступка, ибо проступокъ есть дѣйствіе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія. Вызовы же и аплодисменты въ театрѣ не воспрещены закономъ и въ нихъ нельзя видѣть нарушенія порядка.

Г. Юкельсонъ замѣтилъ, что никто изъ свидѣтелей не подтвердилъ, чтобы онъ шумѣлъ, и потому онъ не считаетъ обвиненіе доказаннымъ.

Уполномоченный отъ полиціи объяснилъ, что изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что въ нарушеніи порядка уча-